

Глава 56. Ничто не дается даром.

Вечерние отблески прячущегося за горизонтом светила постепенно слабели. Окраина города, где жил Скримджер, казалась безлюдной, и если бы по улице шел маггл, не способный увидеть магически свернутое пространство, — он бы прошел мимо стоявшего в самом конце ряда домов небольшому особняку пепельного цвета, окруженному невысокой кованой решеткой с острыми наверхими. В одном из окон горел свет — Скримджер был дома.

— Приготовились. — Сириус, на этот раз непроницаемо-спокойный, внимательно рассматривал особняк сквозь артефактное стеклышко, позволявшее видеть ауры живых существ. — В доме только сам Скримджер и двое охранников. Скримджер наверху, в угловой комнате, а охрана — на первом этаже возле входа.

Короткий пасс палочки Сириуса, — и на наших лицах появились серебряные маски, известные в Англии как визитная карточка Упивающихся ближнего круга Вольдеморта. Ремус остался без маски.

— Да, — поймав мой взгляд, пояснил крёстный, — этим заклинанием Эйвери тоже со мной поделился.

— Я возьму на себя охранников особняка, — Люпин, скривившись от отвращения, выпил пузырек Обратного зелья. Его лицо и тело тут же пошли волнами, и спустя минуту на месте седого оборотня стояла светловолосая молодая девушка, на удивление похожая на Флёр.

— Я снял волосок с одной симпатичной блондиночки недалеко от входа в Косой переулок, — подмигнул мне Сириус. — Такая крошка заставит молодняк, охраняющий дом Руфуса, сначала разговаривать, а потом хвататься за палочки.

— Бродяга, чтоб тебе сдохнуть, — попыталась рыкнуть девушка, но вместо этого из её груди вырвался на удивление мелодичный голос.

— Молчи, волчара, — тихо заржал Блек. — Иди к центральному входу, а мы с Гарри пойдем напрямую.

Девушка, в которую под действием зелья превратился Ремус, изящно покачивая бедрами, пошла в сторону дверей в дом, а мы, выждав несколько секунд, направились к той части здания, где горела лампа на втором этаже.

— Как только в холле зашумят, — шепнул Сириус, — взлетай, я выбью окно. На всё про всё у нас будет максимум две минуты, потом здесь будет группа авроров, а учитывая, какие милые маски у нас на лице — нас вряд ли встретят с распростертыми объятьями.

Ремус, ругая про себя на все корки шутника-Сириуса с его бредовой идеей с обратным зельем, неспешно приближался ко входу в дом, постепенно привыкая к новому телу. Мало-помалу его походка становилась увереннее, хотя он бы не рискнул вступить в бой с серьезным противником при таком изменившемся центре тяжести тела — грудь у встреченной Сириусом на Косой аллее девушки оказалась весьма и весьма... солидной. Впрочем, это должно было дополнительно отвлечь внимание авроров — в охранение заступили двое молодых выпускников академии.

Добравшись наконец до крыльца, украшенного коваными решетками и причудливо изогнутыми каменными скульптурами по бокам от него, Ремус осторожно постучал в двери бронзовым молоточком. Вспомнив поведение иногда провоцировавшей его жены, он встал таким образом,

чтобы грудь девушки наиболее выгодно подсвечивалась в лунном сиянии и в свете фонарей в саду, тем более что острые глаза оборотня уже разглядели, где в дубовых досках спрятано смотровое окошко.

С тихим шуршанием раскрылось округлое смотровое окошко, защищенное тускло мерцающей пленкой магической защиты. Ремус чувствовал, что один волшебник подошел к дверям, а другой в этот момент сосредоточился на прикрытии товарища.

— Кто здесь? — раздался довольно высокий голос одного из авроров.

— Я к мистеру Скримджеру, — Хотя больше всего на свете Ремусу хотелось выбить дверь ногой, а потом — дать в зубы шутнику-Блеку, он заставил себя улыбнуться незнакомому аврору.

После легкого прикосновения сканирующих заклинаний, не показавших ничего, кроме того, что у «девушки» при себе была волшебная палочка, дверь открылась, заставив Люпина мысленно поморщиться от такой безалаберности: матёрый аврор, не говоря уже о том же Аласторе Грюме, сначала потребовал бы оставить на пороге палочку, да еще и не ограничился бы одним проверочным заклятьем.

— Поднимите руки вверх, леди, и не двигайтесь, — молодой черноволосый аврор, в противовес более беспечному напарнику, помнил Устав и поэтому предпочел проверить еще раз, однако же, помимо палочки, не обнаружил ничего подозрительного... Может быть, потому, что у Ремуса при себе и не было ни одного артефакта или зелья.

— Марк, позови господина Скримджера, — отрывисто скомандовал юноша, отчаянно пытаясь казаться солиднее и взрослее под взглядом девушки, явившейся, к его большому сожалению, к начальнику Аврората, а не к нему.

Едва такой же молодой охранник развернулся к выходу, оборотень начал действовать.

Короткий, мощный удар раскрытой ладонью, сопровождаемый импульсом магии без всякой палочки, — и первый охранник отлетел к стене. Звериной силы оборотня, сохранившейся даже под действием оборотного зелья, вполне хватило, чтобы надежно оглушить юношу.

— Что?! — второй охранник почти вытащил палочку из ножен, и даже успел увернуться от первого удара оборотня, но второй достиг цели, — получив удар в челюсть, он упал рядом с напарником. Ремус, собрав палочки, сноровисто опутал их веревками, используя для магии палочку старшего в «смене» авроров, чтобы не оставлять даже такого примитивного следа. Заперев дверь покрепче, оборотень пошел наверх, чтобы присоединиться к друзьям.

— Пошли, — Сириус без всякой палочки создал мощный воздушный импульс, выдавивший окно и осыпавший всех, кто мог находиться в комнате, волной осколков.

Я коротко взмахнул руками, взлетая вверх в направлении окна и, извернувшись, оказался внутри.

— Avada Kedavra! — Даже слегка посеченный осколками, Скримджер был уже на ногах, и не стал церемониться с вторгшимися к нему в дом людьми, тем более на наших лицах были серебряные маски Пожирателей.

Зеленый луч Смертельного проклятья разбил в клочья оконный переплет, и Сириус, который влетел в окно следом за мной, коротко ругнулся: видимо, каменная крошка попала ему в глаза.

— Expelliarmus! — Мощный красный луч Руфус не смог бы заблокировать грубой силой, но он как-то сумел извернуться, сбивая заклинание в сторону чем-то вроде Косого щита.

Проморгавшийся Блек тут же замкнул Руфуса в кольцо неизвестного мне заклинания, выглядевшего как мутно-серое облако, почти сразу же загустевшее. Глава Аврората застыл, словно насекомое в янтаре, — свободной от тумана оказалась только голова, рука с палочкой была надежно заблокирована.

Тех неуловимых секунд, которые потребовались бы аврору, чтобы сломать сковавшие его чары, крестный не дал, — тут же оглушив оппонента. Сняв с него заклинание и сковав настоящими стальными наручниками, Блек, крикнув, взвалил упитанного волшебника на плечо.

— Это была разновидность Туманной сети, — коротко пояснил он в ответ на мой вопросительный взгляд. — Пошли вниз.

Вывернувший нам навстречу Ремус молча перехватил у Сириуса его бессознательную ношу. Теперь он выглядел донельзя нелепо — хрупкая светловолосая «девушка» без особых усилий тащила на плече массивного Скримджера, при этом изрыгая ужасные проклятья нежным голоском.

Крестный, поглядев на эту картину, расхохотался, а спустя пару секунд к нему присоединился и я.

— Пошли вы к дьяволу, — нежный голосок «девушки» был наполнен возмущением, но это только подлило масла в огонь.

Быстро спустившись по лестнице, мы оказались в холле, где лежали два связанных аврора. Однако представшая нашим глазам картина оказалась неожиданно неприятной: один из двух охранников как-то сумел освободиться от веревок и уже положил руку на небольшой артефакт, подающий сигнал в Аврорат.

Сириус вскинул трофейную палочку, отданную ему Ремусом, однако своенравная деревяшка в первый момент сопротивлялась удару Блека, и аристократ вложил в заклинание слишком много сил: воздушный кулак, который должен был просто отбросить волшебника от стола, вместо этого пробил грудь аврора насквозь.

— Дьявол, — голос крестного дрогнул, когда тело, окруженное расширяющейся лужей крови, упало на пол.

— Быстрее! — заорал, точнее, завизжал Люпин, с которого все еще не спадал наведенный облик. Оборотень стремительно побежал к дверям. — Сейчас тут будет толпа авроров!

Взмах палочки Блека создал маску и на лице Ремуса.

Выбежав из дома, мы остановились. Крестный и оборотень все еще сжимали трофейные палочки.

— Morsmordre! — выпускающий Смертный знак Сириус, лицо которого скрывалось под угрюмой серебряной маской, как никогда был похож на черного мага. Яростно сверкавшие в прорезях маски глаза не добавляли крестному очарования.

— Insendio! — одновременно с Сириусом выкрикнул Ремус, отправляя огненную струю в разбитое окно особняка.

Сириус бросил на землю несколько крошечных шариков, памятных мне по нашему первому визиту в Годрикову лощину, — стирающие след аппарации артефакты.

С тихим хлопком мы растворились в воздухе, на пару минут опередив, как позднее выяснилось, группу авроров, прибывшую на сигнал тревоги.

Сириус, направлявший нашу аппарацию, вцепившись в плечи мне и Ремусу, выкрикнул слово-пароль, состоявшее, к моему удивлению, из черных ругательств. Дымка аппарации сменилась очертаниями самого глубокого подвала в доме Блеков.

— Ладно, — крёстный сноровисто закрепил запястья Скримджера в стальных кольцах, вмурованных в стену. — Раз уж дражайший Руфус навестил нас, было бы непростительной глупостью не расспросить его о некоторых небезынтересных вещах.

Крёстный быстро смешивал какие-то эликсиры из стоявших на столе небольших бутылочек, однако первым заметил неладное Ремус, положив руку на плечо другу.

— Не вини себя, друг, — произнес он сочувствующе. — Это был несчастный случай.

— Дьявол, я надеялся закончить эту войну, не имея на руках крови непричастного к ней человека, — стукнул кулаком по столу Блек, — а этот мальчишка не имел к ней никакого отношения!

— Как бы мне ни было грустно это признавать, — пробурчал, точнее, — попытался пробурчать Ремус, поскольку с него еще не спал образ девушки, — Но у маглов есть хорошая поговорка: лес рубят, — щепки летят...

— Всё я понимаю, — буркнул Сириус. — Надо выяснить, была ли у этого мальчишки семья.

— Истинно так, — подытожил Ремус. Его тело пошло волнами, и спустя минуту на его месте стоял уже сам оборотень. — В следующий раз будешь сам пить Обратное, чтоб тебя василиск покусал.

— Ладно, — Сириус ловко влил сложную смесь зелий в рот теперь уже бывшему начальнику Аврората. — Начнем допрос нашего дорогого гостя.

Я вышел из комнаты, — у меня были иные планы на оставшуюся часть вечера и ночь, и не хотелось тратить их на долгий и методичный допрос главы авроров, а Сириус явно планировал выжать из него все, что возможно: как он мне рассказывал ранее, приготовленная им смесь была в чем-то похожа на Сыворотку правды, но обладала меньшим количеством побочных эффектов. Еще один рецепт маэстро Фламеля, который оказался в найденной Блеком тетради, ставшей в итоге одним из самых нежно лелеемых сокровищ Слагхорна, по сути, поселившегося в своей лаборатории с этой тетрадью.

Я в последний раз взглянул на себя в зеркало — являться на прием к великому магистру Цимусу лучше всего было при полном параде, тем более за прошедшее с нашей последней встречи время я кардинально изменил свой статус, и теперь нам предстояла встреча в качестве глав двух благородных домов.

— Красавчик, — тонкие руки обвилились вокруг моей шеи, неповторимый аромат тела любимой окутал меня мягким облаком.

— Спасибо, — я с удовольствием прижал к себе хрупкое тело Флер, наслаждаясь все теплом ее

любви. — Надеюсь, я вернусь к утру, если разговор с Аврелием и его гостем затянется надолго.

— Не пейте слишком много, мой лорд, — засмеявшаяся Флер вывернулась из моих объятий и отскочила подальше, уворачиваясь от попытки ее поймать.

Я взял в руки небольшой амулет с тигром, кусающим собственный хвост, — похоже, у Цимуса была страсть к этим существам, на каждом из его писем и амулетов были тигры в различных позах. Амулет пришел вместе с ответным письмом черного мага, когда я оповестил его о своем желании посетить замок Цимусов как можно быстрее.

— Portus, — на этот раз мне не понадобилась палочка, чтобы активировать портал, — благодаря работе Киарана я уже многому успел научиться в деле контроля чистой энергии.

Мигнуло. В следующее мгновение я оказался в уже знакомой мне комнате. Снова пустая комната, освещенная двумя слабыми магическими светильниками. Однако мертвой тишины, встретившей меня в прошлый раз, не было — издалека доносились звуки сражения: взрывы, треск, яростный визг неизвестного мне существа или существ. Выхватив палочку и на всякий случай на шарив второй рукой кинжал, висевший на поясе, я осторожно пошел в сторону звуков.

Громадный балльный зал встретил меня полнейшим разгромом. Однако не поваленные статуи и разбитые окна заставили меня в удивлении, граничащем с ужасом, остановиться. Демон. Туша, размером с небольшой дом, валявшаяся на полу, поражала воображение. Ветвистые рога, черная морщинистая шкура, длинные когти. Лужа крови, расползавшаяся из-под разрубленной чем-то шеи, множество глубоких ран на всем теле говорили о том, что сражение было жарким. Я невольно поежился, оценивая свои шансы в таком сражении — выходило не слишком радужно.

— Лорд Поттер, мое почтение. — Тихий голос Цимуса прервал мое созерцание. — Простите за маленький беспорядок в моем замке, мой драгоценный гость... перепутал одну руну в круге вызова.

На последней фразе в голосе мага прорезалась язвительная ирония. Посох в руке Аврелия слабо дымился, показывая масштаб вовлеченных в схватку энергий.

Тяжело дышавшая Арратайя Цимус, вытирая длинный изогнутый клинок какой-то тряпкой, подошла ко мне ближе. Спрятав клинок в ножны, она протянула изящную руку для поцелуя.

— Мое почтение, лорд Аврелий, леди Арратайя. — Я поклонился и поцеловал протянутую руку. — Позвольте узнать, а зачем вашему гостю потребовался демон?

— Мне потребовался не сам демон, а его кровь. — Резко развернувшись, я заметил еще одного человека в комнате, до этого скрытого от моих глаз тушей демона.

Высокий, очень худой мужчина, одетый в старинный камзол, щедро украшенный вышивкой и кружевами. При взгляде на него невольно вспоминались времена Короля Солнца и его блиставшего на всю Европу двора. Совершенно седые волосы, стянутые в тугую, перевитую белыми же лентами косу за спиной и несколько тонких косичек на висках. Высохшее от возраста лицо с ястребиным хищным профилем, на котором ярко сверкали совсем молодые голубые глаза. Лицо, хорошо знакомое любому прилежному ученику Хогвартса.

— Мастер Фламель, — я глубоко поклонился самому старому человеку Европы.

Уважаемые читатели. В данной главе у меня некая дилемма. С одной стороны, я считаю, что описанная в ней проблема имеет место быть в реальности как канона, так и фика. С другой стороны — стилистика этого куса и смысл, который в ней содержится, может сильно отличаться от остального текста. Поэтому мне важны ваши отзывы.

— Лорд Поттер, — в голосе великого алхимика проскальзывал неуловимый акцент, будто он так и не избавился окончательно от давно устаревшего произношения слов, — когда-то я был дружен с вашим дедом, Чарльзом Поттером, и с прадедом вашего крестного отца.

— Сириус рассказывал мне об этом, мастер Фламель, — я с некоторым трепетом смотрел на человека, еще при жизни ставшего легендой.

— Славное было время, — спокойно произнес волшебник, небрежным взмахом руки подзывая к себе кресло. — К сожалению сейчас мало людей, подобных жившим хотя бы пару столетий назад. Маги мельчают.

Я промолчал. Спорить в этой ситуации было бессмысленным.

— Николас, — вмешался в наш разговор Аврелий. — Не суди слишком строго. Ты прекрасно знаешь, сколько людей погибло в последние войны. И каких людей.

Аврелий щелкнул пальцами, и несколько выскочивших из скрытых в темноте коридоров существ принесли к камину новый столик взамен разбитого в щепки, накрыли его белоснежной скатертью.

Перед тем, как сесть за стол, маг предупредительно подвинул кресло своей жене.

Усевшись за стол, я оказался между Фламелем и Арратайей, ласково улыбнувшейся мне.

— Поздравляю, лорд Поттер, — мягко улынулась женщина. — С вашим вступлением в права и особенно с вашей свадьбой.

— Благодарю вас, леди Арратайа, — я склонил голову перед загадочной женщиной, попробовавшей когда-то мою кровь и избавившей, наверное, от самой большой опасности в моей жизни.

— Маги мельчают, — Фламель, как мне показалось, вцепился в сильно беспокоящую его тему, и не собирался сворачивать с нее. — За последнее столетие не было изобретено ничего по-настоящему стоящего вне сферы алхимии.

— Мне кажется, ситуация не настолько печальна, мастер Фламель, — я отпил глоток терпкого багрово-красного вина. — Ведь еженедельники по зельеварению и трансфигурации пестрят статьями о новых открытиях.

— Открытиях... — с какой-то тоской протянул великий алхимик, — за все время, сколько я живу, только в последнее столетие все «великие открытия» были всего лишь модификациями древних систем заклинаний или же расшифровками очередного старинного трактата.

— Или рецептами новых косметических средств, — улыбаясь, произнесла леди Цимус.

Фламель скривился.

— Эти люди позорят звание алхимиков, — отрезал он. — Я не могу себе представить, кем

нужно быть, чтобы тратить свои силы на подобный бред.

— А способы использования драконьей крови? Аконитовое зелье? — Напрягшись, я вспомнил все, что знал про последние изобретения в области зельеварения.

— Это все частности, а в общем — деградация. Сколько за последние двести лет было попыток вывести волшебное сообщество из стагнации...

Я вежливо приподнял бровь, внимательно слушая разошедшегося алхимика.

— Даже последняя известная большинству людей попытка вывести волшебников из унылого прозябания окончилась пшиком. Гриндевальд решил, что лучше всего для начала истребить маглов, а потом на руинах погибшей цивилизации возводить цивилизацию волшебников.

— Но он развязал мировую войну... — начал было я.

— Он развязал ее именно для того, чтобы радикально уменьшить количество маглов на планете. Однако не учел тот факт, что магловская наука и техника, в отличие от нашего волшебства, ушли далеко вперед. И новая война едва не стала последней для волшебников. Магловской авиационной бомбе, — странно было слышать такое нехарактерное для магов слово в старинном замке потомственных волшебников, но Фламель оперировал терминами простого мира совершенно свободно, — магловской авиационной бомбе наплевать на Фиделиус и защитные чары. Только чары дублирования пространства устояли против взрывчатки, но даже они не выдержали в Японии, когда американцы сбросили свои атомные бомбы.

— В этой войне были уничтожены многие семьи волшебников, особенно в первые дни, когда еще не было известно об уязвимости наших чар против грубой силы пороха и тротила. — Фламель поморщился и осушил свой кубок. — Потом началось повальное бегство из крупных городов как в Германии, Англии, Франции, Италии, так и в России.

— А сейчас, — резко успокоился Фламель, внимательно рассматривая мое лицо, — сейчас ситуация еще более печальна. Маглы развили свою науку настолько, что вплотную подошли к раскрытию тайны волшебного мира. И вот тогда... Тогда наш мир спасет только чудо.

— Мастер Фламель, — я с искренним интересом задал свой вопрос, потому что никогда не задумывался о подобной проблеме, — а что вы предлагаете сделать в подобной ситуации?

— Что предлагаю... — Фламель переглянулся с Аврелием и Арратайей. — Несколько десятков талантливых волшебников с разных стран работают над этой проблемой. Наиболее перспективным решением является создание еще более глубокого пласта дублированной реальности... Но это требует невероятного объема энергии и невероятно сложных заклинаний. Эти люди получают плату от меня, от Аврелия и нескольких старых магов, обеспокоенных текущим положением дел. Но главная плата...

Волшебник неопределенно помахал в воздухе рукой.

— Главная плата — это возможность продления своей жизни. Каждый из работающих на нас магов ежегодно получает толику эликсира жизни. Моя лаборатория работает на полную мощность уже почти пятьдесят лет, мне даже пришлось недавно инсценировать свою смерть в Англии, чтобы избавиться от ненужных теперь обязанностей в Гильдии Зельеваров. Впрочем, мне удалось одурачить даже молодого Дамблдора.

Странно было слышать такие слова о седом старике, бывшем директором Хогвартса многие

годы, но из уст разменявшего шестую сотню лет человека это звучало... соответствующе.

— Именно поэтому не все сильнейшие волшебники из числа долгожителей вмешались в последнюю войну и не вмешиваются сейчас. — Фламель пристально разглядывал мое лицо. — Если Вольдеморт победит в войне, это будет катастрофой для Англии. Но если мы опоздаем, и маглы обнаружат наш мир, — это будет концом всего волшебного сообщества. А мы отчаянно опаздываем. С каждым годом на орбиту выводят все более совершенные спутники, все более совершенные приборы рассматривают каждый метр земной поверхности.

— Значит вы... — я не договорил, но алхимик понял меня без слов.

— Я не хочу вмешиваться в эту войну... Системы заклятий, которые разрабатывают под моим руководством, требуют все мое внимание, как и моя лаборатория. А времени для их создания все меньше и меньше.

Алхимик поморщился.

— Если честно, лорд Поттер, я бы хотел предложить вам, после окончания войны, присоединиться ко мне, — Фламель был предельно серьезен. — Ваш достойный дед, до самого дня своей смерти работал вместе со мной.

— Благодарю за такое предложение, мастер, — я осторожно подбирая слова, — но мне не совсем понятно, чем может вам помочь вчерашний ученик Хогвартса.

— Чем помочь... — протянул Фламель. — Благодаря тому, что вы в ближайшие годы прочно войдете в тройку самых сильных магов в стране... может быть, простите, пока еще не по искусству, но по подвластным вам энергозатратным заклинаниям, вы сможете применять многие из наших разработок, которые попросту не по силам рядовым волшебникам. Есть предел, за который невозможно шагнуть, как бы упорно ни тренировался маг.

— Например? — Мне стало интересно.

— Например, когда я беседовал последний раз с Дамблдором, он упоминал об одной из лучших студенток Хогвартса по академической успеваемости — Гермионе Грейнджер. О ней же говорил мне в своих письмах Фискалоччи. — Фламель потер лоб. — Фискалоччи, в отличие от моего ученичка, иногда делится со мной интересными сведениями. Так вот, он позволил себе незаметно от остальных во время проверки просканировать ауру девушки, старый хитрец подыскивает себе ценные кадры во время таких комиссий. И оценил ее магический потенциал.

— Хм, — я подождал, пока алхимик оторвет крепкими белыми зубами кусок мяса от свиной ножки и допьет первый бокал вина.

— Фискалоччи оценил потенциал девочки, — наконец продолжил рассказ Фламель. — Он сказал, что мисс Грейнджер обладает достаточно слабым уровнем развития ауры. Это не будет мешать ей, к примеру, заниматься алхимией, но та же самая высшая трансфигурация, которой любил пускать пыль в глаза Дамблдор, ей уже недоступна. В теории, она в состоянии сплести такое заклинание, но у нее не будет сил, чтобы его поддерживать. То же самое касается боевых заклинаний выше уровня Бомбарды. Адский огонь, Дыхание хаоса, Огненный шторм, Разъедающий туман некромантов — эти чары возможно научиться сплести, но без достаточно сильных энергоканалов сил на их поддержание не будет, маг попросту перегорит.

— То есть получается, что невозможно бесконечно развиваться только за счет тренировок? — Киаран и Сириус не рассказывали об этом, и мне стало по-настоящему интересно.

— Раньше существовала система градаций способностей волшебника, по октанам и рангам, — Фламель усмехнулся. — Однако была упразднена в девятнадцатом веке за ненужностью. Магов стали интересовать гораздо более приземленные дела, чем исследование пределов собственных возможностей. Так вот, еще тогда выяснили, что человек не может развиваться до максимального уровня, известного в истории, если его способности, изначально, скажем, условно средние. Для этого уже нужны определенные стартовые условия. Наследственность, например, рождение в старинном роду, где издавна рождались сильные волшебники. Хотя, естественно, возможны и исключения. Если мне не изменяет память, в восемнадцатом веке в Англии родился известный в то время волшебник, по силе немногим уступавший Дамблдору. Родился в обычной магловской семье, но потом его узнала вся Англия, как Безымянного, некроманта, который сумел подмять под себя большую часть страны, пока его не остановили.

На лице Фламеля проступила скорбь.

— Последнее сражение с ним стоило жизни двум моим хорошим друзьям. А другой мой друг — Джеймс Грюм — лишился руки. Так что есть шанс, что даже в магловской семье может родиться действительно сильный волшебник. Просто шанс этот существенно меньше, чем в результате целенаправленной, как говорят маглы, селекции. Как бы мы ни относились к их культуре, наука, созданная ими под названием генетики, отвечает и на многие наши вопросы.

— Таким образом, — Фламель отпил вина, — нам нужны не только волшебники, способные изобрести масштабные и сложные заклинания, но и те, у кого достанет сил потом использовать подобные чары.

— К сожалению, — вмешался молчавший все это время Цимус, — волшебников, которые обладают такими способностями, но при этом не погружены с головой в политические игры, с каждым годом все меньше. Да и сами старинные семейства постепенно хиреют. Во многих родах, как и в моем, осталось всего по несколько человек, а еще пару столетий назад они насчитывали десятки волшебников разной силы.

— Однако пока что это разговор о том, лорд Поттер, — Фламель потер лоб, глубоко задумываясь, — что возможно произойдет после вашей победы. Мне бы очень хотелось видеть вас среди тех людей, которым не безразлична дальнейшая судьба нашего мира. Не стану оскорблять вас предложением какой-либо награды, вы бы на моем месте так не сделали, но вы в состоянии внести существенный вклад в наше дело.

— Я понимаю, мастер Фламель. — Я приподнял бокал. — И я рад, что в этом мире остались волшебники, заботящиеся об общей судьбе нашего мира, а не о сиюминутной политической конъюнктуре. Говорить же о моем согласии или несогласии на бесспорно интересное предложение я буду готов только после победы в войне, когда в Англии наконец-то воцарится хоть отдаленное подобие порядка.

— Достойные слова, — Цимус отсалютовал мне бокалом. — Со своей стороны, я могу предложить вам мою помощь... не бесплатно, разумеется.

Арратайа звонко рассмеялась.

— Скорее, лорд Поттер, в случае вашего согласия вам придется заплатить не Аврелию, а мне, моему мужу уже не нужны мирские ценности.

Я невольно потер запястье.

— Я догадываюсь, чем мне предстоит откупиться, леди, и я готов прислать вам кровь

единорога, как и собственную, но если мне простится мое любопытство...

— Я не могу взять кровь сама, — Арратайя грустно улыбнулась. — Ни один светлый единорог не приблизится ко мне. А кровь, продающаяся в алхимических лавках, слишком старая, и не имеет того вкуса, как отданная добровольно, да еще и отданная сильному волшебнику. К моему мужу единороги тоже относятся не слишком дружелюбно.

— А вот ко мне единороги всегда относились хорошо, — Фламель усмехнулся. — Несмотря на то, что я частенько навещаю в заповедники за их кровью... Правда я всегда приношу с собой целый мешок свежих фруктов и сахара.

Алхимик захохотал.

— Вот он, рецепт популярности у единорогов, — несколько привыкнув к обществу одного из самых опасных чародеев современности, я позволил себе улыбнуться.

— Шутки шутками, — Фламель обвел насмешливым взглядом сидящих за столом, — а доброе слово приятно даже единорогу. И кровь получается гораздо более эффективной в зельях.

Некоторое время мы молчали — домовые эльфы или неизвестные мне существа, работавшие в кухне черного мага, готовили выше всяких похвал. Наконец, Фламель, не чуравшийся, несмотря на свой возраст, выпить хорошего вина, допил очередной бокал и снова заговорил.

— Есть еще одна проблема, которая возникла только в последние сто лет, лорд Поттер, — интонации алхимика были скорее печальными, чем недовольными. — И в этом мне потребуется ваша помощь и помощь любого старого рода, до которых я смогу дотянуться...

— Что вы имеете в виду, мастер Фламель?

— До введения Статута секретности и почти столетие после него существовала узаконенная традиция для старинных родов пополнять свою численность за счет маглорожденных волшебников. Собственно, с шестнадцатого по конец девятнадцатого века проблемы маглорожденных и полукровок в мире волшебников не существовало, — Фламель налил себе еще вина.

— Вы имеете в виду, что маглорожденных не обучали в Хогвартсе, — я не был уверен, правильно ли понял алхимика.

— Не совсем так, — Николас неопределенно покрутил пальцами в воздухе. — Когда артефакты наподобие Хогвартской книги молодых волшебников определяли, что в семье маглов рождался ребенок с магическими способностями, специально подготовленные маги изымали его из семьи. На его место приносили ребенка, с помощью магии получившего облик похищенного, а юного волшебника отдавали по жребии в одну из семей, чаще всего в младшие ветви сильных родов.

— Не могу сказать, что мне кажется это этичным, — я покачал головой, — но это, действительно, было идеальным решением для сохранения секретности.

— Да не в секретности даже дело! — неожиданно прорвало алхимика, хватившего кулаком по столу. — А в том, что таким образом передавалось культурное наследие старых семей, и мы могли избежать мордредова вырождения!

Арратайя мягко прикоснулась к плечу волшебника, успокаивая его.

— Проблема в том, что сейчас мы имеем не только всё возрастающий риск обнаружения нашего мира маглами, — успокоившись, Фламель продолжил рассказ, — но и громадное количество маглорожденных волшебников и полукровок, для которых магия это всего лишь бесплатное приложение к обычной жизни. Им нет нужды зарываться в старинные книги, постигать обычаи и традиции нашего мира. Они не понимают, что такое родовая магия. И, как метко подметил один мой коллега, в магловском мире прекрасно можно устроиться, зная всего лишь два заклинания: Confundusi Obliviate. В результате мы имеем застой в магической науке последнее столетие. Потому что никому не нужно её дальнейшее развитие, кроме немногочисленных фанатиков науки вроде меня и осторожных стариков, вроде вашего погибшего деда и ныне покойного Кигнуса Блека.

— Я понимаю ваши опасения, мастер Фламель, — дипломатично ответил я. — Но пока что не совсем понимаю...

— Как в этом можете помочь вы? — усмехнулся алхимик. — Очень просто. Когда вы победите, вы многое измените в законах старой доброй Англии. И тогда вы, быть может, вспомните мои слова... Хотя крови может пролиться немало — вряд ли маглорожденным понравится тот факт, что им придется подстраиваться под изменившиеся условия.

<http://tl.rulate.ru/book/69499/1848593>